

УДК 802.0-73

Л. А. Петрова

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ ПИСАТЕЛЕЙ-САТИРИКОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматривается проблема эстетической организации художественной речи. Анализируются принципы вербализации эстетического отношения авторов к происходящим событиям в русском сатирическом нарративе начала XX века.

Ключевые слова: лингвокультурологический код, художественная речь, эстетика, образность.

Постановка проблемы. Проблема эстетической категоризации мира связана с представлением о том, что на определенном этапе познания действительности система мышления и система языка рассматриваются как два взаимно предполагающих и дополняющих друг друга кода. Под кодом обычно понимается способ обработки, передачи и хранения информации при помощи некоторой системы элементов и правил их комбинации. Исследователи отмечают, что «дослідження художнього дискурсу виявляє тяжіння, «прихильність» письменника високого рівня до тих чи

тих концептуальних позицій. У таких концептах концентровано передається духовне кредо, її ідейний стрижень його творчості, визначальні вихідні принципи» [1, с. 25]. В зв'язі з цим виникає проблема визначення когнітивних механізмів, зв'язаних з естетическою інтерпретацією картини світа і націлених на дешифровку вербально зафіксованих естетических смислів, кумульованих в художественному тексті.

Дослідження художественної мови стало одним з пріоритетних націлень в сучасній лінгвістическій. Велике уваження віддається риторическим і герменевтическим аспектам текстопроизводства і текстовосприяття (більше ґрунтовно об цьому см. [2; 3]), історії вивчення художественного тексту як об'єкта лінгвістических досліджень [4], особе місце відводиться аналізу ціннісних феноменів в семантиці художественної мови [5].

Ціль пропонуваної статті – виявити мовні принципи естетического вповнення реальних фактів в художественній мові письменців-сатириків початку ХХ віка.

Механізм відображення естетических об'єктів, по мненню В. А. Маслової, пропонує три блоку. Перший блок включає процеси, що відбуваються на операційному рівні. Естетическа інформація піддається більш ґрунтовній переробці через сприйняття, пам'ять, уявлення і мислення. Другий блок – група психіческих властивостей особистості, в яких виражається естетическе відношення людини до дійсності і накопичуються результати естетического освоєння світа. Третій блок – естетический досвід. Сюди входять як загальноестетическі, так і художественні знання (на образному і понятійному рівнях), уміння, навички, а також своєобразний емоційний і естетический фонд, який утворює повторюючіся при сприйнятті текстів почуття і емоції. Таким образом, естетическе зміст художественного тексту «не сприймається реципієнтом неопосередковано, а відтворюється ним, вивідається з знаків, сприйнятих на першому і другому рівнях» [6, с. 22].

Багато дослідників не раз підкреслювали контрастність, роздвоєнність художественного світа письменців і поетів. По тому нерідко антитеза визначає мовні принципи естетическої категоризації в художественній картині світа початку ХХ віка. Одним з способів реалізації антитези є порушення кодифікованого використання мовних одиниць. Розглянемо використання дієслова *веселиться* «весело, радісно, безбачливо проводить час» в наступному прикладі: *Но більшіє всіх веселился Мясорыбов. Он сидел в своей ложе, повернувшись спиной к залу, и даже заткнул уши. Изредка осторожно оборачивался, смотрел, где факир, и, увидя его, весь содрогался и прятался снова* [Тэффи, Факир]. В даному випадку наступний контекст нейтралізує ядерні компоненти 'радісно', 'безбачливо' в семантиці дієслівної одиниці, наводяє семантику 'страшно', 'бачливо' (содрогался, прятался), 'осторожно' (осторожно оборачивался), 'неприємно' (сидел, повернувшись спиной). В результаті лексема *веселиться* набуває коннотативний відтінок іронічності, що надає всьому сцені коміческий характер.

Стереотипне використання лексических одиниць руйнується не тільки шляхом аномальної сочетаємості, але і через авторський метакоментарій. Ср.: *Заїшла я*

как-то к добрым знакомым на огонек. Застала всю семью за столом, очевидно, только что позавтракали. (*Употребила здесь выражение «огонек», потому что давно поняла, что это значит просто без приглашения, и «на огонек» можно зайти и в десять часов утра, и ночью, когда все лампы погашены*) [Тэффи, Арабские сказки]. Эстетическая маркированность устойчивого сочетания на огонек «мимоходом (зайти, завернуть к кому-либо)» возникает в результате описания экстралингвистических наблюдений. Комментируя изменение этической нормы в реальной жизни, автор таким образом трансформирует семантику фраземы.

Как разновидность авторских комментариев можно рассматривать авторские ремарки, которые также вербализуют эстетическую модальность художественной речи. Например, в рассказе «Гильотина» Н. А. Тэффи использует гиперболический прием отражения реальной жизни: *Теперь не то. Теперь гильотина поставлена на фабричное дело. Работают на ней рабочие, и все ясно и просто.*

А все эти буржуазные претензии придать делу торжественность и красоту – смешны и глупы.

Ах, когда же мы наконец дорастем до правильного отношения к повседневным мелочам современной жизни [Тэффи, Гильотина].

Чтобы понять тон эстетической модальности, обратимся к лингвокультурологическим сведениям. Как известно, гильотина (фр. guillotine), орудие для совершения смертной казни путем отсечения головы, была изобретена незадолго до французской революции. Казнь исполнялась долгое время только публично: в приговоре об осуждённом говорилось, что ему отсекут голову на публичном месте во имя французского народа. Соблюдались и средневековые ритуалы: так, в последнее утро осужденному объявляли: «Мужайтесь (следует фамилия)! Час искушения настал», после чего спрашивали, не угодно ли ему папиросу или рюмку рома. В России казнь при помощи гильотины никогда не применялась. Однако Н. А. Тэффи переносит французские реалии на русское пространство, изображая их как обычное явление (*повседневная мелочь современной жизни*). Авторская ремарка в данном случае и выступает как инструмент экспликации эстетической модальности и активизации читательского восприятия.

Особую эстетическую значимость в сатирическом нарративе начала XX века приобретает обращение *товарищ*, принятое как выражение особого отношения между равными по положению в обществе, дружески расположенными между собой. Однако в окружении ненормативной лексики положительный коннотативный оттенок в структуре значения стирается, а сама лексема приобретает негативную окраску революционного жаргона.

Следует отметить, что семантический процесс поляризации в лексеме *товарищ* – довольно частое явление в сатирических произведениях начала XX столетия. Так, например, в рассказах М.М. Зощенко лексема употребляется с самыми разными функциональными оттенками: *Платить надо, – чуть не плача сказал племянник. – Вы, товарищ дядя, не сердитесь* [Зощенко, Не надо иметь родственников]; *Трудно, товарищи, говорить по-русски!* [Зощенко, Обезьяний язык]; *А-а, говорю, товарищ, вкатился, гадюка...* [Зощенко, На живца]; *Василий Степанович Конопатов прямо в бешенство пришел. Прямо рыдает человек. – Товарищи, говорит, молочные*

братья! Да что ж это происходит в рабоче-крестьянском строительстве? Без манишечки, говорит, человеку пожрать не позволяют [Зощенко, Рабочий костюм]; *Братцы, говорю, милые товарищи. Да как же, говорю, он может, подлая его личность, в такое время мужу про копилку говорить спокойным голосом* [Зощенко, Муж].

В художественной картине мира употребление данной лексемы не ограничивается функцией обращения, а нередко переходит в разряд оценочных единиц, имеющих широкий коннотативный фон. Например: *Оно, конечно, всем окружающим я дал номера с просьбой звонить. Но, между прочим, все оказались беспартийные товарищи и к телефону мало прикасаются* [Зощенко, Телефон]. Как известно, в первые годы советской власти не было свободного доступа к телефонной связи. Такой привилегией в основном пользовались партийные работники. Поэтому словосочетание *беспартийные товарищи* передает оценочную характеристику сожаления и недоумения.

Актуален в данном случае и такой пример: *Недавно один уважаемый товарищ, Кульков Федор Алексеевич, изобрел способ против бюрократизма. Вот государственная башка-то!* [Зощенко, Качество продукции]. Прилагательное *уважаемый* «достойный почтения, признания каких-л. заслуг, достоинств» дублирует сему 'особое отношение', присутствующую в семной структуре лексемы *товарищ*, приводя к имплицитному плеоназму и создавая эффект сарказма. В связи с этим оценочная информация объективируется в семантике просторечной единицы *башка*, которая, по мнению автора, передает больше экспрессии, с одной стороны, а следовательно, имеет большую силу воздействия, с другой.

Эстетическую модальность художественной речи вербализуют тематические разряды слов. Одна из ментальных изоглосс, представляющая социальные преобразования в послереволюционной, новой России начала XX века, выражена метафорой несущегося вперед поезда. Поэтому описываемые события часто происходят в поезде или на вокзале. Метафорический образ поезда обуславливает и другие авторские новообразования. Например, в сатирических произведениях П. Романова частотными оказались слова, объединенные в тематическую группу «Железная дорога»: *вокзал, поезд, вагон, зал ожидания, пассажиры*. Их употребление в идиистике писателя передает оценочную коннотацию в художественном образе России 20 – 30-х годов XX века. Несущийся без остановок поезд, вокзальная суматоха, неразбериха и неулаженный быт пассажиров символизируют страну после революционных событий. Авторские ассоциации позволили расширить парадигматические ряды за счет контекстуально значимых единиц. Одной из них является заимствованная лексема *секция*, которая в русском языке функционирует в двух значениях: «1. Отдел или подраздел учреждения, организации, общества и т.п. с определенной специализацией. *Плавательная секция*. || Одно из подразделений съезда, конференции для обсуждения специальных вопросов. 2. Часть какого-либо сооружения, устройства, состоящая в свою очередь из ряда деталей, частей; блок. *Секция жилого дома*». В художественном тексте существительное *секция* несет идеологическую нагрузку: *Все полезли в вагон и бросились занимать места. – А думали не уедем... – Если бы в передние пробежали, ни за что бы не сели. – Там ужас что делается, – сказала*

позднее подошедшая дама в шубке с пушистым воротником и красным точно избани лицом. И, шумно вдохнув воздух, села напротив женщины с корытом.

Та посмотрела на нее и несмело обратилась: – Матушка, а что такое секция? – Секция – это... ну, как сказать? Вот, например, художественная секция, научная, – ответила дама, неопределенно пошевелив пальцами в воздухе. И обратилась к человеку с чемоданчиком: – Как ей объяснить, что такое секция?

Человек с чемоданчиком вскинул к потолку глаза и задумался. – Секция – это известный отрезок, часть, группа. Черт ее знает, как точно определить. <...> Вдруг дверь с грохотом отодвинулась. Вошел железнодорожный служащий в валенках. – Вы чего сюда забрались? – А что? – То, что идет передняя секция! Передние три вагона ушли, а вы тут, как сычи сидите. – Чтoб вас черт побрал с вашими секциями! – Недаром у меня как сердце чужало, – сказала женщина с корытом, – у всех спрашивала, – никто не знает... На каком это языке? – Ну, теперь будешь знать, – сказал служащий, – с месяц у нас тут поездишь, всем языкам обучишься. Выметайся! [Романов, Секция]. Речь персонажей сигнализирует о функциональном противопоставлении узуального значения (художественная, научная секция; отрезок, часть, группа) контекстуальному. Объяснение, данное служащим через необычную сочетаемость (передняя секция – передние три вагона), придает создавшейся ситуации оттенок карикатурности, но не вносит ясности. Автор отсылает читателя к внутренней форме слова (На каком это языке?). В латинском языке, откуда заимствована лексема, *sectio* – разрезание, разделение. В результате семема секция приобретает концептуальную значимость: страна-поезд разделена, разрезана на части, нет единства, уничтожен один из главных принципов в жизни русского народа – соборность. Эта идея усиливается номинациями, которые относятся к изображению пассажиров и отражают социальное расслоение: дама в шубке с пушистым воротником, человек с чемоданчиком, женщина с корытом.

Принципы организации эстетической модальности художественной речи писателей-сатириков начала XX века базируются на использовании языковых девиаций (отклонений от нормы), нередко приводящих к абсурду. Объясняется это тем, что конфликт между нормой и отступлением от нее, лежащий в основе всего, что вызывает комический эффект, составляет и основу трагического. Взаимосвязь комического и трагического усиливает суггестивный характер художественного произведения.

Литература

1. Кононенко В. Концепти українського дискурсу / В. І. Кононенко. – К. – Івано-Франківськ, 2004. – 248 с.
2. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста / Л. Г. Ким. – Томск : Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2009. – 312 с.
3. Макеева М. Н. Риторика художественного текста и ее герменевтические последствия: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 «Общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика» / М. Н. Макеева. – Краснодар, 2000. – 436 с.
4. Филиппов К. А. Лингвистика текста. Курс лекций / К. А. Филиппов. – СПб. : Издательский Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003. – 334 с.

5. *Маринчак В. А.* Интенциональное исследование ценностной семантики в художественном тексте / В. А. Маринчак. – Х. : Фолио, 2004. – 287 с.

6. *Маслова В. А.* Поэтический текст как объект филологического анализа / В. А. Маслова. – Минск, 1999. – 208 с.

7. *Заика В. И.* Очерки по теории художественной речи / В. И. Заика. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2006. – 407 с.

8. *Шумарина М. Р.* Функции метаязыковых комментариев в художественном тексте / М. Р. Шумарина // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения. II Новиковские чтения: Материалы Международной научной конференции (Москва, 16–17 апреля 2009 г.). – М. : РУДН, 2009. – С. 642 – 646.

The article is devoted to the problem of aesthetic organization of artistic speech. The principles of verbalization of aesthetic author's relation to events, what are going in Russian, are analyzed. The material of research is the satiric narrative of the began of XXages.

Keywords: artistic speech, aesthetics, vividness.

Петрова Л. О. Естетична модальність художнього мовлення письменників-сатириків початку XX століття

У статті розглядається проблема естетичної організації художньої мови. Аналізуються принципи вербалізації в російському сатиричному наративі початку XX століття естетичного відношення авторів до подій, що відбуваються навколо.

Ключові слова: лінгвокультурологічний код, художня мова, естетика, образність.